

for studying and standardizing spelling in this area for many years to come.

Key words: Ya.K. Grot, orthography, foreign borrowing, sound and letter, grounds of spelling, unification.

References

Grigor'eva T.M. *Tri veka russkoi orfografii* [Three Centuries of Russian Orthography]. Moscow, 2004. 456 p.

Grot Ya.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian Spelling]. 7th ed. Saint Petersburg, 1888. 120 p.

Grot Ya.K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniia ot Petra Velikogo donyne* [Moot points of Russian orthography from the time of Peter the Great up to this day]. Saint Petersburg, 1876. 461 p.

Lopatin V.V. (Ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Orthography and Punctuation. Complete Academic Reference Book]. Moscow, 2009. 432 p.

Nechaeva I.V. [On shop (p)ing, mini (-)van, and the enigmas of orthographic codification]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, No. 1 (23), pp. 72–89. (In Russ.)

Nechaeva I.V. [On the “desirable uniformity” in the spelling of loanwords]. *Ot bukvy k slovariu. Sbornik nauchnykh statei k 200-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Ya.K. Grota* [From a Letter to a Dictionary. Collected Papers on the Bicentenary of Academician Ya.K. Grot's Birth]. Saint Petersburg, 2013, pp. 245–250. (In Russ.)

Nechaeva I.V. *Aktual'nye problemy orfografii inoiazychnykh zaimstvovaniia* [Relevant problems of loanwords spelling]. Moscow, 2011. 168 p.

Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniuu russkoi orfografii (XVI–II — XX vv.) [Review of Suggestions on Improvement of Russian Orthography (XVIII–XX c.)]. Moscow, 1965. 500 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Moscow, 1956. 176 p.

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

yelenon@mail.ru

СТИЛИСТИКА ГРАММАТИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на примере стихотворений Б. Ш. Окуджавы)*

В статье рассматриваются некоторые синтаксические конструкции в стихотворных текстах, участвующие в формировании стилистических эффектов. Обсуждаются конструкции «на грани синтаксической нормы»; предлагается объяснительный механизм, лежащий в основе нарушений нормы, а также их интерпретация в связи с авторскими художественными задачами.

Ключевые слова: перцептивный модус, ментальный модус, локатив, временная перспектива, субъект, пространство, лицо, не-лицо.

Авторы работ, пишущие о поэзии Б.Ш. Окуджавы, не раз обращали внимание на то, как причудливо в его стихах перемежается лексика возвышенная и разговорная, сниженная. Черты «сниженности», упрощенности находят отражение не только в стиле лексики Окуджавы: известны тонкие и замечательные наблюдения А.К. Жолковского и Д. Быкова, которые говорили о философской упрощенности в стихах Окуджавы, демократизме, повседневности, связи поэтической интонации с городским романсом, что сближает его художническую позицию с блоковской. Стилистическое соединение высокого и обыденного, непозволительное в других функциональных стилях речи, в рамках художественного (поэтического) текста создает особый характер, дает возможность формулировать высокие истины и в то же время создать атмосферу задушевного разговора, приблизиться к читателю и быть заодно с ним.

Если в лингвистических работах особенности лексики в стихах Окуджавы становились предметом исследований, то грамматика (синтаксис) в поэтических текстах Б.Ш. Окуджавы, к сожалению,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 12-04-12064).

остается неизученной, хотя внимательный анализ этой стороны его текстов может привести к замечательным выводам.

В стихотворениях Окуджавы сталкиваются черты высокого и разговорного синтаксиса, наивного, на грани грамматической нормы.

Примером высокого может стать известная в русской поэзии с 19 в. формула построения генеритивных высказываний. По этой формуле построена фраза *Счастливы дам, где пенье скрипки наставляет нас на путь*. Это высказывание является общим суждением, обладает свойствами «универсального пространства» (по О.Г. Ревзиной) или принадлежит к генеритивному регистру (с помощью данного термина интерпретирует подобные высказывания «Коммуникативная грамматика» — см. [Золотова и др., 2004]). Это означает, что пространственно-временная локализация отсутствует, граммема наст. вр. имеет значение обобщенного времени, семантика времени-пространства («всегда и везде»), высказывание верно для всех потенциальных личных субъектов, оно характеризуется инклюзивностью субъекта речи (т.е. высказывание истинно и для говорящего, который может стать участником обрисованной ситуации: он тоже счастлив, если находится в доме, где звучит музыка); меняется значение граммемы ед. ч. — не реальная единичность, а множественность, обобщенность: *дом* означает «любой дом». Тем самым высказывание является афоризмом, вечной истиной.

По этой модели — оценочное краткое прилагательное в препозиции и придаточное к подлежащему — построены знаменитые русские афоризмы, источником которых являются литературные произведения: *Счастливы, кто посетил сей мир в его минуты роковые* (Пушечев); *Блажен, кто верует* (Грибоедов). Сама же формула восходит к Библейским выражениям, ср., например: *Блаженны нищие духом...* Об особенностях этой синтаксической формулы см. [Ярыгина 2011]. Интересно при этом, что как в евангельском тексте, так и в приведенных литературных афоризмах в рамках текста дается обоснование этого оценочного высказывания — с помощью придаточного причинного либо в бессоюзном сложном предложении: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное; Счастливы, кто посетил сей мир в его минуты роковые: его послали всеблагие...*; *Блажен, кто верует: тепло ему на свете*. Но в состав собственно афоризма обоснование не входит. Высказывание получает характер вечной истины вне обоснования: истина не нуждается-

ся в доказательстве. Мы можем сделать вывод, что Б.Ш. Окуджава воспользовался «укороченной» формулой: в его тексте присутствует оценочная формула вне обоснования.

Черты сниженности и отклонений от нормы в синтаксисе увидеть, пожалуй, непросто. Однако внимательный анализ позволяет выявить эти черты и объяснить механизм нарушения нормы.

Рассмотрим интродуктивный фрагмент стихотворения «Король»:

*Во дворе, где каждый вечер всё играла радиоло,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Ленку Королева
и присвоили ему званье короля.*

В этой строфе представлен регистровый конфликт — перцептивный модус (конкретика пространственная) соединяется с семантической модуса ментального. К перцептивному модусу относятся глаголы частной семантики, то, что воспринимается органами чувств: *пылить, играть* (=звучать), на их фоне и глагол *танцевать* приобретает перцептивное осмысление, а локатив *во дворе* имеет значение внешнего физического пространства. Напротив, глагол *уважать* не предполагает перцептивного осмысления, его семантика отношения не сочетается с семантикой частного пространства: это глагол ментального модуса.

Однако локатив в контексте предложений с глаголом *уважать* возможен. Это возможно в таких случаях:

1) *Ребята во дворе уважали этого парня* — локатив относится к субъекту *ребята*;

2) *Во дворе уважали этого парня* — локатив взаимодействует с субъектным нулем неопределенно-личного предложения.

В этих случаях локатив *во дворе* ограничивает состав субъектов отношения.

Но странной следует признать фразу *Во дворе, где играла музыка, ребята уважали этого парня*. В этом случае локатив относится ко всему предложению (предикату), ср. «миропорождающее обстоятельство» по И.М. Богуславскому. С одной стороны, неактуальный характер предиката *уважать* вступает в стихотворении в конфликт с частноперецептивной звуковой семантикой предикатов *играть*,

пылить, танцевать. С другой — человеческие эмоции, отношения разворачиваются во внутреннем психическом пространстве, поэтому возникает конфликт между семантикой предиката *уважать* и конкретно-физического пространства *во дворе*. См. также [НОС-СРЯ 2004], где показано, что инициальный локатив при предикатах эмотивной семантики получает не пространственное, а временное осмысление: *В Москве я боялся его* (= «Когда мы были в Москве, я боялся его»). Ср. также высказанную в [Дручинина 1987] идею о разграничении предикатного и субъектного инициального локатива: *В лесу дети играли* (= «Когда дети пришли в лес, они там играли») и *В лесу играли дети* (= «В лесу была игра детей»).

Но для того, чтобы локатив получил темпоральное осмысление в присутствии предиката отношения (*уважать*), имеющего неактуальное значение, локатив должен иметь потенциал на осмысление в достаточно длительной временной перспективе (не минуты и не часы, а недели, месяцы, годы). Локатив же *во дворе* такой временной перспективой не располагает: время действия в таком пространстве ограничивается минутами или часами, отсюда и конфликт в выражении **уважали во дворе*. Этот конфликт, который мы ощущаем как стилистический, имеет грамматическую подоплеку. Очевидно, его появление в стихотворении носит неслучайный, намеренный характер. Это дает возможность сравнивать начало стихотворения Б. Окуджавы с так называемыми «блатными» романами, получившими широкое распространение в послесталинское время, когда шло массовое возвращение репрессированных из лагерей и данная стилистика стала характерной для городской песни. Тогда известное наблюдение о стилистической дифференциации лексики у Окуджавы можно дополнить наблюдениями над стилистикой грамматики.

Рассмотрим «Песенку Льва Разгона». Именная синтаксема Род в позиции при слове *песенка*, имеющем агентивную валентность, получает значение субъекта действия, агенса (тот, кто сочинил или исполняет песенку). В самом деле, и написана песенка от 1-го лица (*Я*) — это история жизни, в которой героем является говорящий, а значит, если следовать заглавию, Лев Разгон. Может показаться, что *Я* по-разному осмысляется через посредство заглавия и без такового посредства: если не учитывать название, то *Я* принадлежит автору, если учитывать, то герою, названному в заглавии. Но в этом

стихотворении Б. Ш. Окуджавы своеобразно использует возможности категории лица и семантики предикатов. Интересно, что с *Я*-субъектом соединяются предикаты 3-го лица:

1) относящиеся обычно к предмету — в частности, положения в пространстве: (*я*) *долго лежал в холодильнике*; к пространству: *омыт ледяной водой*;

2) относящиеся к лицу: оценочный предикат свойства — (*я*) *до сих пор молодой*; оценочно-ретроспективный предикат — (*я*) *привоздил его прозой*.

Предикатами 3-го лица они называются потому, что обычно их синтаксическая парадигма ограничена, они не употребляются в контексте 1-го лица: о себе мы так не говорим. Такое соединение субъекта и предиката у Б. Ш. Окуджавы является очень своеобразным и тонким грамматическим нарушением. Эта семантико-грамматическая противоречивость между перволичным субъектом (*Я*) и предикатами 3-го лица тончайшими средствами создает внешний, полный тонкого юмора, взгляд на предикатируемого субъекта (героя), указывает на дистанцию между героем Львом Разгоном (он остается в зоне 3-го лица, даже будучи называемым *Я*) и реальным субъектом речи (поэтом). Таким образом, в самом тексте заключается прием, указывающий на то, что герой стихотворения и автор стихотворения — это разные личности, несмотря на обманчивое внутри-текстовое *Я*. Эта дистанционность, которую внимательный читатель осознает, читая текст, однозначно подтверждается анафорой *Я* к заглавию (текстовое *Я* не соответствует авторскому *Я*).

В основе нарушения грамматической нормы лежит такой тип взаимодействия категорий, как «взаимоисключение» (взаимодействующие компоненты не могут быть осмыслены в рамках стандартной грамматической логики). Однако в рамках поэтической речи они приобретают характер художественного приема и воплощают индивидуальные авторские тактики построения текста. Анализ грамматики в поэтическом тексте не только позволяет интерпретировать индивидуальные авторские тактики, что способствует более полному пониманию художественно-идеологической позиции Окуджавы-поэта. Такой анализ позволяет приоткрыть и оставшиеся до сих пор незамеченными закономерности в организации русских синтаксических конструкций.

Литература

Дручинина Г.П. Локативные синтаксемы в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987. 171 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка/под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004 г. 1488 с.

Ярыгина Е.С. Об одной разновидности конструкции вывода-обоснования//Вопросы русского языкознания: сб. Вып. XIV. Грамматика и текст. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 381–393.

E. N. Nikitina

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
yelenon@mail.ru*

**STYLISTICS OF GRAMMAR IN POETIC TEXTS
(analyzing poetry by B. Okudzhava)**

The paper is concerned with some syntactic constructions producing specific stylistic effects in poetic texts. It is argued that the violation of syntactic norm by some constructions can be interpreted with respect to the poet's esthetic goals.

Key words: perception, mentality, temporary perspective, locative, subject, person, space.

References

Apresyan Ju. D. (Ed.). *Novy obyasnitelny slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kultury; Venskiy slavisticheskiy almanakh Publ., 2004. 1488 p.

Druchinina G. P. *Locativnye sintaksemy v sovremennom russkom yazyke. Diss. kand. filol. nauk* [Locative syntaxemes in Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987. 171 p.

Yarygina E. S. [A construction of conclusion-grounding]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. № XIV. Grammatika i text* [Issues in Russian linguistics. № XIV. Grammar and text]. Moscow: MAKS Press Publ., 2011, pp. 381–393. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 541 p.